

Три часа ночи. Деревня Одинокого Дракона

— Нань Цзин, коли суждено тебе сгинуть в Деревне Одинокого Дракона, то раздели участь со мной, зловещим духом.

Нань Цзин нахмурился. Он попытался щелкнуть зажигалкой, но не успел: Юй Аньянь жестко перехватил его запястье. Скользнув пальцами в ладонь юноши, он бесцеремонно забрал зажигалку.

Раздался сухой щелчок.

Вспыхнул язычок пламени, заплясали тени. Нань Цзин зажмурился от резкого света, а когда снова открыл глаза, его взгляд приковало к рукам Юй Аньяня. Тот доставал из рюкзака кусок кожи — ту самую жуткую грамоту, на которой были начертаны восемь иероглифов судьбы Нань Цзина.

В темных, как бездна, глазах Юй Аньяня сквозила леденящая стужа. На его губах зазмеилась холодная усмешка. Он поднес лоснящийся, желтовато-бурый лоскут к самому пламени. Нань Цзин не успел даже вскрикнуть — стоило огню лизнуть сухую кожу, как его собственное тело пронзила невыносимая, обжигающая боль. Юноша судорожно выдохнул, не в силах сдержать стон.

Алое свадебное платье будто занялось невидимым огнем. Казалось, каждая клетка его тела плавится заживо. Нань Цзин сжался, до крови закусив губу и запрокинув голову. Его тонкая, изящная шея напряглась, а лицо, еще мгновение назад хранившее живое тепло, мгновенно утратило краски, став призрачно-бледным, почти прозрачным.

— Ю-Юй... Аньянь... что ты творишь? — едва выдавил Нань Цзин.

Каждый вдох давался ему с трудом. Превозмогая судорогу, он попытался дотянуться до горящего лоскута, но Юй Аньянь безжалостно сжал его тонкие пальцы.

С тихим треском Юй Аньянь оторвал от подола свадебного платья полосу алого шелка. Наклонившись, он принялся методично, виток за витком, обматывать скользкую, прохладную ленту вокруг незащитных запястий юноши. Только что он освободил его от пут, чтобы теперь связать заново собственными руками. Насыщенный багрянец шелка подчеркивал болезненную белизну кожи — казалось, затяни он узел чуть сильнее, и эта краснота проступит сквозь фарфоровую плоть, а кости хрустнут под натиском безумной нежности.

— Зачем?.. — прошептал Нань Цзин сквозь пелену дикой боли.

Когда пламя пожирало лоскут с его судьбой, тело сковал полный паралич. Он мог лишь упрямо цепляться за ускользающее сознание, силясь разгадать чужой замысел.

— Юй Аньянь... что ты задумал?

В глазах режиссера клубилась темная, мертвая пустота — точно зола на пепелище. Багровая родинка у внешнего уголка глаза зловеще дрогнула. Юй Аньянь тихо, глухо рассмеялся:

— Нань Цзин, я же предупреждал. Раз уж тебе суждено стать жертвой, то лучше отдай свою жизнь мне, чем этому проклятому деревенскому чудищу. Считай это нашим замужеством.

С этими словами он поднялся и подошел к массивному угольно-черному гробу, где покоились трупы женщины в белом и уродливого, похожего на выкидыш бездны старосты. Юй Аньянь без тени брезгливости вышвырнул их окоченевшие тела прямо на грязный пол. Затем расстегнул свое длинное пальто и заботливо расстелил его по деревянному дну, устраивая подобие ложа.

Нань Цзин, бессильно привалившись к стене, попытался наощупь отыскать зажигалку. Его пальцы судорожно скребли пол, но в следующее мгновение сильные руки подхватили его, отрывая от земли. Юноша запрокинул голову: лицо Юй Аньяня, холодное и высокомерное, казалось высеченным из мрамора. На нем не отражалось ни единой эмоции.

Алый шлейф свадебного наряда струился вниз, точно густая кровь. Подол волочился по пыльным доскам. Нань Цзин попытался ухватиться хоть за что-нибудь, но его слабеющие пальцы скользнули по ладони Юй Аньяня и безжизненно опали.

Юй Аньянь бережно, словно хрупкую драгоценность, опустил его в черноту гроба. Нань Цзин отчаянно зашевелил пальцами, пытаясь нащупать Печать призрака — древний артефакт требовал окропления кровью с кончика языка, но сейчас у юноши не было сил даже на то, чтобы просто поднести ладонь к лицу.

В полумраке, едва разгоняемом крошечным огоньком, Нань Цзин казался восковой куклой. Бледный, с искусанными в кровь губами, спеленатый алым шелком, который стягивал тело подобно запекшейся крови. Его широко распахнутые глаза походили на чистейший хрусталь, омытый ледяной талой водой — пронзительно-ясные, они лихорадочно поблескивали едва заметным багровым отливом.

Юй Аньянь на мгновение замер. Его холодные узловатые пальцы мягко, но властно легли на плечо юноши.

Во взгляде Нань Цзина читалось лишь глухое недоумение.

«Неужели он действительно ничего не понимает? Но возможно ли это?»

Глядя на него, Юй Аньянь чувствовал, как собственное сердце глухими ударами расширяет грудную клетку. Он на секунду прикрыл веки, а когда разомкнул их, в зрачках металось безумие, прикрытое маской ледяного равнодушия:

— Ровно через минуту наступит час Тигра. Мы уйдем вместе, Нань Цзин.

Ресницы Нань Цзина дрогнули. Он плотнее сжал губы, решив больше не тратить силы на пустые пререкания.

С тяжелым протяжным скрипом дверь комнаты на третьем этаже распахнулась настежь. В помещение ворвался потусторонний, пронизывающий до костей сквозняк.

От ледяного порыва оператор и Ли Ифэй наконец пришли в себя. Последний, грязно ругаясь, с трудом поднялся на ноги, но тут же опешил, увидев Юй Аньяня. Тот стоял у черного гроба, сжимая в руке окровавленные ножницы.

Режиссер держался безупречно прямо. Рукава его темно-синей рубашки были аккуратно закатаны, обнажая тугой ремешок механических часов на запястье. Секундная стрелка неумолимо отсчитывала остатки чужих жизней. Скользнув равнодушным взглядом по оператору и Ли Ифэю, Юй Аньянь глухо скомандовал:

— Живо сюда. Понесем гроб.

Ни один не посмел перечить. Они торопливо подползли ближе, готовые взяться за тяжелое дерево.

Заглянув внутрь и разглядев распластанного в гробу Нань Цзина в алом наряде, Ли Ифэй едва не взвыл от потрясения, едва сдерживая рвущийся наружу мат.

«Юй Аньянь окончательно рехнулся?!»

Но в то же время в его душе шевельнулась подлая радость. Если режиссер решил сделать из мальчишки козла отпущения, значит, ритуал завершится, и у них появится шанс выбраться из этой проклятой глуши. Смесь злорадства и облегчения исказила лицо Ли Ифэя. Поймав взгляд обреченного юноши, он одними губами беззвучно прошептал: «Сдохни, тварь».

Юй Аньянь одарил его мимолетным ледяным взглядом. Ли Ифэй мгновенно подобрался, испуганно втянул голову в плечи и больше не смел испытывать чужое терпение.

Не утруждая себя тем, чтобы накрыть гроб крышкой, Юй Аньянь взялся за изголовье и приподнял тяжелую ношу. Оператор и Ли Ифэй послушно заняли места у изножья, подхватив уступы по углам. Лишенные права голоса, они покорно потащили скорбную ношу вслед за безумцем к выходу.

Стоило им пересечь порог, как стало ясно: клубившийся снаружи удушливый черный туман бесследно растаял. Перед ними пролегла узкая грунтовая тропа, упиравшаяся в подножие горы Одинокого Дракона, где начиналась серая каменная лестница. Древние ступени уходили

круто вверх, растворяясь в вышине. В зыбком лунном свете отчетливо проступали лишь эта тропа и восходящий путь; все остальное пространство пожирал непроглядный мрак.

Пройдя немного, оператор испуганно шепнул на ухо Ли Ифэю:

— Слушай... может, в Юй Аньяня кто-то вселился? С чего он вдруг засунул Нань Цзина в гроб? А если он потом и нас прирежет? Может, нам сбежать?..

Ли Ифэй лишь презрительно фыркнул в ответ:

— Ты столько времени работаешь в его команде и до сих пор не видел того скандального интервью?

Оператор испуганно и беззвучно покачал головой.

Из глубин клубящегося по сторонам тумана донеслись первые, едва различимые звуки соны — погребального рожка. Невесть откуда поднялся ледяной вихрь, понесший по воздуху хлопья белой ритуальной бумаги. Заунывный, истощный свист инструмента резал барабанные перепонки, вливая в душу первобытный ужас и скорбь.

— Неудивительно, его богатенький папаша выкупил и уничтожил все копии той записи, — Ли Ифэй судорожно сглотнул, мечась между диким страхом и каким-то извращенным торжеством. — В тусовке давно шепчутся, что Аньяню суждено сдохнуть в двадцать три года. И вот однажды какой-то придурок-журналист в лоб его спросил: готов ли он к тому, что после его ранней смерти любимый человек найдет себе кого-то другого?

Ли Ифэй сделал многозначительную паузу.

— И как думаешь, что ответил наш гений?

Он скосил глаза на лежащего в гробу юношу. Яркое-алое платье резко выделялось на фоне кружащих в воздухе погребальных денег. Связанный Нань Цзин лежал неподвижно, являя собой редкое зрелище полнейшей беспомощности. Его красивое лицо оставалось бесстрастным, а покусанные губы были плотно сжаты, будто он давно примирился с неизбежным концом.

Ли Ифэй злорадно осклабился. Мысль о скорой кончине соперника сладко грела ему душу.

— Он ответил совершенно спокойно, без тени сомнения, — прошепел Ли Ифэй. — «Тот, кого я выберу, уйдет в могилу вместе со мной. Станет моим посмертным спутником».

Хотя влиятельный отец режиссера приложил все усилия, чтобы замять скандал, слухи быстро

расползлись по кулуарам шоу-бизнеса. С тех пор никто в здравом уме не смел заводить с Юй Аньянем разговоров о совместном будущем. За глаза его поливали грязью, обзывали безумным фанатиком с замашками феодала, но проверять правдивость его слов на собственной шкуре желающих не находилось. Каким бы богатым и талантливым ни был этот молодой лауреат престижных премий, его Судьба девственного отрока перечеркивала всё. Кому охота добровольно ложиться в могилу за чужую любовь? Жизнь-то одна.

— Месяц Деревянного Быка, день Металлической Лошади! Час благоприятный, предначертанный звездами! Пора поднять землю, пора предать погребению!

Пронзительный плач соны становился всё громче. Вторил ему мерзкий, дребезжащий фальцет. Из клубов черного тумана на обочинах показались фигуры деревенских жителей. На их серой коже проступали трупные пятна — живыми эти существа назвать было нельзя. Они тянули вперед полуистлевшие конечности. Кое-кто из мертвецов продолжал дуть в погребальные рожки, другие, чьи лица кишели могильными червями, молча впивались взглядами в живых. Однако подойти вплотную они не могли — невидимая преграда надежно удерживала их по ту сторону тропы.

Увидев эту нечисть, Ли Ифэй мгновенно прикусил язык. Сжавшись от страха, он бросил полный ненависти взгляд на прямую спину Юй Аньяня. Прямо перед ними возвышалась каменная лестница — то самое Небесное приключение, ведущее на вершину.

Эта крутая, уходящая в облака тропа когда-то была местной достопримечательностью горы Одинокого Дракона. Современного туриста трудно удивить даже стеклянными мостами над пропастью, но эта конструкция превосходила их по степени безумия. Узкая, едва в ширину человеческих плеч каменная лестница не имела никаких ограждений, кроме наспех натянутых пеньковых канатов.

В самом начале подъем казался терпимым, но чем выше они карабкались, тем сильнее кружилась голова. На уровне средних склонов, где кроны вековых деревьев оставались далеко внизу, реальность сужалась до крошечного каменного уступа. Впереди — бесконечная стена скалы, позади — головокружительная, бездонная бездна. Один неверный шаг — и падение превратит плоть в кровавое месиво.

Трупы, до этого топтавшиеся на обочинах, теперь безмолвной стеной следовали за ними по ступеням. Они держались у самого изножья гроба, непрерывно бормоча на непонятном, шипящем местном диалекте жуткие успокоительные заклинания.

Оператор и Ли Ифэй онемели от ужаса. Превратившись в бездумные механизмы, они стискивали углы гроба и упорно переставляли затекшие ноги, поднимаясь всё выше и выше.

Бормотание мертвецов за спиной сливалось в оглушительный гул, перекрываемый визгом соны. Когда силы измученных людей были уже на исходе, а сквозь туманную мглу наконец проступили очертания верхней площадки, звуки ритуальной музыки внезапно оборвались. Наступила мертвая тишина.

И в этой тишине один из мертвецов прохрипел неестественно тонким голосом:

— Опустить гроб! Зажечь красные свечи! Предать огню предначертанную судьбу!

Этот жуткий обряд, описанный в старинных книгах, предписывал совершить остановку на середине пути. Именно здесь следовало сжечь на пламени ритуальных свечей лист с гороскопом покойника, чтобы навек усмирить его обиду и гнев, не позволив душе вернуться в мир живых мстительным призраком.

И сейчас в гробу лежал Нань Цзин, а его судьба была зажата в кулаке Юй Аньяня.

Едва услышав приказ мертвецов, оператор и Ли Ифэй, не сговариваясь, разжали пальцы и отшатнулись назад. Оставшийся без поддержки гроб с глухим грохотом рухнул на каменные плиты. Юй Аньянь успел вовремя отпрянуть в сторону. Тяжелое лакированное дерево раскололо древний сланец, во все стороны брызнули острые осколки.

Юй Аньянь замер среди наползающей туманной мороси. Его силуэт казался нерушимым изваянием. Медленно, с леденящим равнодушием он обернулся назад.

За его спиной стояла толпа разлагающихся трупов во главе с покрытым трупными пятнами старостой. Каждый из мертвецов держал перед собой вертикально поднятую ладонь, на которой тлела восковая красная свеча. Уродливые, застывшие в глумливых ухмылках лица уставились на живых. С их посиневших губ сорвался слаженный, хриплый хор:

— Сжечь судьбу!

— Сжечь предначертанную судьбу!!!

Нань Цзин резко распахнул глаза, выныривая из беспамятства под этот безумный гул. Чувствительность постепенно возвращалась к онемевшим членам, но тело по-прежнему плохо слушалось. Печать призрака, зажата в пальцах левой руки, была скрыта широким рукавом алого платья и ворохом белой бумаги. Юноша предпринял отчаянную попытку шевельнуть кистью, но стягивающий запястья шелковый ремень сводил все усилия на нет.

И все же он не сдавался, упрямо пытаясь подтянуть заветный артефакт поближе к лицу. Ему нужно было лишь коснуться его окровавленным кончиком языка — тогда великая сила Печати вернет ему контроль над собственным телом.

Юй Аньянь медленно опустил руку в гроб. Его длинные пальцы скользнули под ворох алого шелка, безошибочно отыскав предплечье Нань Цзина, и крепко, почти до боли, сжали его. Под тяжелыми, холодными складками ткани это движение осталось совершенно незаметным для посторонних глаз.

Среди непрекращающегося снегопада из белых бумажных кругляшей режиссер стоял у гроба, а в его глазах, темных, как грозовое небо, разгорался очищающий огонь безумия.

— Нань Цзин, — негромко произнес он. — Я подожгу этот гроб. И мы сгорим вместе.

Не дождавшись от живых послушания, мертвецы одновременно развернулись. Их ступни остались неподвижными, направленными в обратную сторону, но суставы и позвоночники с сухим костяным хрустом вывернулись на сто восемьдесят градусов. Пятками вперед нечисть двинулась на людей, кривя беззубые рты в омерзительных плотоядных ухмылках. Из их глоток вырывался настойчивый сиплый шепот:

— Предать огню... предать судьбу...

Ли Ифэй окончательно потерял рассудок от ужаса. Вжавшись спиной в бок лакированного гроба, он безумными глазами посмотрел на режиссера и заверещал во все горло:

— Какую еще судьбу?! Они хотят этот чертов гороскоп! Бумажку с его рождением!

— Аньянь, мать твою, вытащи ее и сожги! Сожги этого ублюдка! Живо!

Оператор и вовсе рухнул на колени, его лицо исказила жалкая, заискивающая гримаса. Глотая слезы, он взмолился:

— Господин режиссер... умоляю вас, сожгите его карту судьбы! Закончим обряд — и ворота откроются, мы сможем уйти! Вы вернетесь в город, снова станете великим мастером, у вас впереди вся жизнь! И мне... мне тоже нужно вернуться, семью завести, детей...

— Господин Юй, это ведь всего лишь один Нань Цзин! Какая разница?! Пожертвуйте им!

Юй Аньянь небрежным жестом откинул со лба влажные волосы. В его темных глазах застыло абсолютное презрение ко всему существу. Он даже не удостоил кричащих жалких трусов взглядом. Одной рукой он намертво сжимал запястье Нань Цзина, а во второй щелкнул металлической зажигалкой.

На лице Ли Ифэя промелькнула было безумная надежда, но тут же угасла: режиссер и не думал поджигать злосчастный пергамент. Он подносил огонь прямо к сухому вороху погребальных денег, которыми был доверху засыпан гроб.

«Он не собирается приносить Нань Цзина в жертву!...»

«Этот ублюдок хочет уничтожить нас всех! Он безумен!»

Глаза Ли Ифэя едва не выскочили из орбит. Глядя на подступающих мертвецов и занесенное над гробом пламя, он издал дикий, звериный вопль и, потеряв всякий контроль, бросился на Юй Аньяня, пытаясь оттолкнуть его от гроба.

Увидев это, Нань Цзин понял, что не успеет завершить ритуал с Печатью. Оставив бесплодные попытки освободить руку, он вложил все остатки сил в резкий рывок вперед. Выгнувшись всем телом, он навалился на Юй Аньяня, закрывая его собой от безумного натиска Ли Ифэя.

Взгляд Юй Аньяня заledenел. С яростной стремительностью хищника он развернулся всем корпусом, взметнув мокрые пряди черных волос. Упершись поясницей в бортик гроба для устойчивости, он резко выкинул ногу вперед. Тяжелый армейский ботинок с глухим стуком врезался прямо в грудную клетку наседавшего Ли Ифэя.

Тот сдавленно пискнул и отлетел назад на несколько шагов, ловя ртом воздух. Но Юй Аньянь не дал ему опомниться: перехватив его замахнувшуюся руку, он жестко крутанул ее вниз, заламывая сустав.

Раздался истошный вопль боли.

Вырвав из ослабевших пальцев Ли Ифэя окровавленные ножницы, режиссер посмотрел на него сверху вниз — холодно, отстраненно, будто перед ним лежала сломанная вещь, а не человек. Без малейшего колебания он вонзил острое лезвие глубоко в предплечье соперника. Ли Ифэй с воем повалился в грязь, зажимая рану.

Превозмогая слабость, Нань Цзин сумел принять сидячее положение в гробу. Юй Аньянь скользнул взглядом по его связанным красным шелком запястьям и скептически приподнял бровь:

— К чему было это благородство? Зачем закрыл меня? Все еще пытаешься строить из себя спасителя в надежде, что я растрогаюсь и отпущу тебя на все четыре стороны?

Нань Цзин посмотрел на него своими прозрачными, почти бесцветными глазами. Он глубоко вдохнул, собираясь сказать, что ему незачем притворяться, как вдруг до его ноздрей донесся резкий, удушливый запах гнили и запекшейся крови. Юноша мгновенно насторожился и резко обернулся.

Толпа мертвецов подошла вплотную к изножью гроба, но в одном шаге от них замерла, будто натолкнувшись на невидимую стену.

Их лица застыли в гротескных, жадных гримасах. Староста, чья плоть была сплошь изъедена черными гнилыми язвами, сверлил Нань Цзина полным животной ненависти взглядом. Вдруг мертвецы синхронным движением разорвали на груди свои истлевшие белые рубахи. Сердце Нань Цзина пропустило удар: на месте содранной кожи у каждого из них прямо из разверзтых грудных клеток начали выползать шевелящиеся комья мерзкого, черного гнущего мяса.

Шмотки мертвой плоти с влажным шлепком падали на камни и тут же начинали срастаться! Сливаясь в единую массу, они формировали кошмарное антропоморфное чудовище высотой в человеческий рост. На вершине этого бесформенного месива с влажным чавканьем лопнули два огромных гнойника, явив миру налитые кровью, бешено вращающиеся глазные яблоки.

С мерзким, липким звуком зрачки твари сфокусировались на Нань Цзине, источая бездонный голод и похотливую жадность.

Нань Цзин судорожно сглотнул, чувствуя, как спазм перехватывает горло. Из его пересохшей, хрипящей глотки вырвался отчаянный сип:

— Аньянь... беги!

— Вверх по лестнице, быстрее! Назад не смотри!

Юй Аньянь не шелохнулся, заворуженно созерцая поднимающийся из бездны кошмар. В глубине его зрачков плясали демоны безумия, а голос звучал пугающе ровно, точно трескающийся лед:

— Я же просил тебя, Нань Цзин, прекрати этот спектакль.

— Или ты... — он медленно повернул голову к юноше, и багровая точка у его глаза вспыхнула зловещим предзнаменованием, — действительно предпочтешь сгинуть в утробе этой безликой твари, лишь бы не разделять со мной очищающее пламя костра?

<http://bllate.org/book/19041/1951553>